

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Протоиерей Всеволод Чаплин

(ОВЦО МП)

БЫТЬ ВЕРНЫМИ ЕВАНГЕЛИЮ. МИССИЯ И ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Одним из главных вызовов Православной Церкви в современную эпоху является попытка приравнять христианскую нравственность к иным этическим системам или растворить ее в эклектических этических системах – например, «глобальной этике», проповедуемой Гансом Кюнгом, или этических взглядах «новых религиозных движений». В христианском богословии, особенно западном, существует искушение согласиться с идеей тождества христианской и нехристианской этики на основе учения о «естественном нравственном законе», заложенном Богом в природу человека. Впрочем, евангельская этика и этика церковная неместима в рамки «естественного закона» и принципиально превосходит эти рамки. Да и само учение о «естественном нравственном законе» нуждается в освобождении от схоластического подхода и в большей оценке с позиции евангельской истины.

1. Естественный нравственный закон или нравственное чувство?

Нам хорошо известны слова святого апостола Павла: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2, 14-15). Апостол, говоря о заложенном в душу каждого человека нравственном мериле, называет его «делом закона» и утверждает, что эти люди могут быть «сами себе законом». Впрочем, он не приходит к выводу, что наличие этого нравственного мерила отменяет нужду в богооткровенном ветхозаветном законе, имеющем особую ценность в качестве детоководителя ко Христу (Гал. 3, 24). Апостол говорит: «Закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим. 7, 12). И, конечно же, святой Павел нигде не утверждает о том, что естественное нравственное мерило, присутствующее в душах язычников, отменяет необходимость следования нравственному учению Христа Спасителя.

Но именно такой вывод делают сегодня те, кто приравнивает естественную и христианскую нравственность. По их мысли, естественной нравственности достаточно как для достойной жизни на земле, так и для достижения вечного блаженства (если последнее ими воспринимается как реальность и ценность). Быть христианином, по мнению этих людей, не необходимо для того, чтобы достичь нравственного идеала. Ведь, в самом деле, если «естественный нравственный закон» дан Самим Богом, то ничего лучшего для человека и желать нельзя, а поскольку этот закон неизбежно присутствует в людях разных религий и даже в

неверующих, то все веры и мировоззрения могут объединиться вокруг исполнения этого закона, а вопрос об истинности или ложности религиозных и мировоззренческих представлений отпадает сам собой.

Однако «естественный нравственный закон» в православном богословии вряд ли когда-либо обоснованно воспринимался как твердый набор принципов и правил, кодифицируемых раз и навсегда для всего человечества. Схоластические попытки такой кодификации неизбежно разбиваются о реальность жизни. Да, в большинстве народов несправедливое отнятие жизни, презрение к родителям, разврат, обман, присвоение чужого и другие явные грехи осуждаются. Впрочем, и из этого правила есть немало исключений, причем не только в современных, но и в традиционных обществах, о чем хорошо известно.

Более того, «естественный нравственный закон» сталкивается в душе человека с другими, противоположными влияниями, подчас более сильными и одерживающими верх. Это значит, что «естественный закон» не может быть действенным в полной мере. Апостол Павел пишет: «По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. <...> Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха» (Рим. 7, 22-23,25). Таким образом, можно заключить, что «естественный нравственный закон» вряд ли может быть назван законом в полном смысле этого слова – он не вполне определен и постоянно подвергается внутренней коррупции в душе человека, не говоря уже о внешних влияниях со стороны общества с дурными нравами, постоянно пересматривающего общепринятые нравственные правила. Не случайно апостол Павел определяет его, применяя несколько расплывчатое понятие «дело законное». И, конечно же, к этому «закону» еще более, чем в ветхозаветному, применимы апостольские слова: «А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет» (Гал. 3, 11).

С точки зрения автора этих строк, более корректно говорить не о «естественном нравственном законе», а о нравственном чувстве, заложенном Богом в природу человека. Оно действительно присутствует в душе каждого из нас, даже самого закоренелого грешника. Однако оно может заглушаться, подавляться и искажаться. И об этом как нельзя лучше свидетельствуют многие современные (контр)этические взгляды, оправдывающие то, что в культурах, основанных на Божественном Откровении всегда считалось отклонением от нравственных норм, – промискуитет, гомосексуализм, возжигание в себе прелюбодейных и блудных вожделений, убийство беспомощных людей, крайнее стяжательство, взимание чрезмерной лихвы, презрение к бедным и так далее. Впрочем, такие же тенденции наблюдались и много веков назад в культурах, не знавших сверхъестественного Божия Откровения. Вот почему можно предположить, что подлинная нравственность не могла и не может существовать в отрыве от Откровения. Для древних оно было дано в Моисеевом законе. Венцом же Откровения и выражением его для современного человечества является Священное Писание Нового Завета.

2. Нагорная проповедь как центр христианской этики.

Господь ясно говорит, что ветхозаветный закон Им не отменяется: «Доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5, 19). Но Он совершенно определенно говорит и о том, что исполнения закона недостаточно для спасения – его непременным условием является качественно иное нравственное состояние, превосходящее даже самые высокие ветхозаветные стандарты (и уж тем более стандарты безрелигиозного

мира: «Говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 20).

Богочеловек дает людям новые заповеди, никак неуместимые в рамки житейской морали или морали ветхозаветной. И Он дает их как совершенно непреложные указания, не подлежащие релятивизации. «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам» (Мф. 5, 21-22). Это безусловный императив, за которым следует безусловное требование совершенно нового уровня нравственной чистоты от тех, кто станет достойным войти в Его Царство. Господь Иисус однозначно и решительно объявляет недопустимым злословие по отношению к ближним, блудные помыслы, развод и вступление в брак с разведенной, клятву небом или землей, противление злу, совершенному против человека, показное творение милостыни, молитвы и поста и получение соответствующей моральной «награды» от людей (Мф. 5-6). Христос осуждает и удовлетворенность человека своим нравственным состоянием, своими нравственными заслугами, даже вполне очевидными и бесспорными с точки зрения ветхозаветной и мирской морали (Лк. 18, 9-14). Очевидно, что такие нравственные мерки неприменимы для обывательской морали, примиряющейся с определенной мерой зла. И не случайно Господь говорит: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13-14). Это не значит, что Господь объявляет Своих учеников некой моральной элитой: к Его Царству призываются все. Но уровень нравственности, необходимый для спасения, радикально отличается от «праведности книжников и фарисеев», почитавшейся в мирской среде как наивысшее достижение.

Именно нравственность, задаваемая Нагорной проповедью, должна считаться нормативной для христианина и быть основой для его диалога с представителями иных этических систем. Мы не можем и не должны признавать достаточными для построения нашей собственной земной жизни или наших отношений с нехристианами ни ветхозаветный набор нравственных принципов, ни зыбкую почву естественного нравственного чувства, ни тем более какие-либо господствующие в обмирщенном обществе моральные представления. Христианин – это человек, живущий по нормам Нагорной проповеди или по крайней мере стремящийся к тому. Любое примирение со злом, любой «откат» к дохристианской или нехристианской морали для него есть отступление, чреватое утратой спасения. Вот почему те (пост)христианские сообщества, которые оставили верность Евангелию ради удобного сосуществования с более «беспроblemными» этическими системами, потеряли силу соли, перестали быть местом настоящего духовного подвига, а значит, и не интересуют более людей, ищущих спасения, и в лучшем случае превращаются в социальные механизмы, несущие чисто земные функции.

3. Благодать Божия как средство нравственного очищения.

Высокая нравственная планка, заданная в Нагорной проповеди, недостижима человеческими силами. Не случайно на вопрос о том, кто же может спастись, Господь Иисус отвечает: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Нравственные требования Евангелия представляют собой не просто систему запретов, которые можно было бы исполнить человеческой волей. Они настолько высоки, что никакая воля не способна их исполнить. Да, волевые усилия, воспитание, внешние ограничения важны, но они одни не способны привести человека к достижению нравственного идеала, а значит, и к спасению. Скорее важен свободный выбор личности, позволяющий Богу действовать в ней. Христианская этика говорит не только о воспитании воли и не о принуждении к

деланию добра, а о действии на человека благодати Божией, которая преобразует внутреннего человека настолько, что самая мысль о грехе становится невозможной. Святой апостол Павел говорит христианам: «Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью» (Рим. 6, 14).

Православной традиции свойственно представление о Божественной благодати как о необходимом условии нравственного совершенствования личности. «Как сухая земля, не получая влаги, не приносит плода, - пишет святой Ириней Лионский, - так и мы, бывшие прежде иссохшим деревом, никогда не могли бы приносить плодов жизни без благодатного дождя свыше... Потому нам необходима роса Божия, чтобы мы не сгорели и не сделались бесплодными». Даже если добрые дела и совершаются, в отсутствие благодати они не становятся по-настоящему богоугодными. «Без благодати Божией, - читаем у святителя Тихона Задонского, - ничего богоугодного человек не может сотворить. <...> В духовных делах человек без помощи Божией благодати - как иссохшая ветвь, которая не приносит никакого плода, Богу, творящему в нас и желание и исполнение добра, подобает всякая хвала и слава, а человеку - стыд и смирение, потому что не только делать, но и хотеть без Бога ничего доброго не может». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл решительно утверждает: «Когда нам нередко говорят, что человек сам, без всякой веры, способен нравственно совершенствоваться, нам говорят ложь. Подлинное нравственное совершенство только там, где Бог. Подлинное нравственное совершенство там, где в ответ на открытое человеческое сердце, на открытый разум, на молитву и веру Бог передает Свою благодатную силу, преобразуя и испепеляя этой благодатной и всемогущей силой человеческую греховность, преобразуя человека грешного в человека, по Богу созданного».

Итак, благодать Божия, подаваемая в истинной Церкви, – это главное и непереносимое средство достижения нравственного совершенства. Без действия Божия, без Таинств Церкви человек не может стать нравственным в смысле Нагорной проповеди. Решающим в нравственном совершенствовании личности является действие не человека, но Бога, и понимание этого является отличием христианской этики.

4. Некоторые выводы.

Христианская этика радикально отличается от других этических воззрений как высоким уровнем нравственных стандартов, так и утверждением о необходимости действия Божия, а не только собственных человеческих усилий, для достижения нравственного совершенства. Об этом христианам необходимо помнить при диалоге и взаимодействии с приверженцами других этических систем.

Так, представляется неоправданным соглашаться с теми, кто пытается свести христианскую этику к Десяти заповедям Моисеева закона, при этом подчас совершенно забывая о заповедях с первой по четвертую, имеющих отношение к религиозной жизни. Иногда при этом идут еще дальше, подвергая ревизии остальные заповеди. Христианин призван ясно свидетельствовать о том, что данный подход к этике может быть приемлем лишь для поиска минимальной мировоззренческой основы сотрудничества с людьми других убеждений, нацеленного на обуздание наиболее тяжелых грехов и пороков. Однако сам по себе этот этический минимум для христианина никак не может восприниматься как достаточный или удовлетворительный – ведь речь идет о наборе этических взглядов, не позволяющих человеку достичь нравственного идеала и вечного спасения.

Еще более опасным видится соглашательство с попыткой объединить христианскую и нехристианскую этику на основе «естественного нравственного закона», на деле являющегося довольно расплывчатым нравственным чувством, отнюдь не всегда способным заглушить в душе человека греховные побуждения. При этом следует иметь в виду, что под естественной моралью все чаще понимается самый широкий набор этических взглядов, вплоть до прямого оправдания явлений, осуждаемых Священным Писанием как Ветхого, так и Нового Заветов. Апелляции к естественной или общечеловеческой нравственности, к утверждениям типа «мы чувствуем, что это правильно и хорошо» сегодня применяются для продвижения эвтаназии, идеи «однополовых браков» и даже идеологии полного этического релятивизма. Возможно, в некоторых случаях сотрудничество даже с людьми, делающими подобные декларации, может быть полезно для христианина и Церкви в тех или иных бытоустроительных делах. Но условием такого сотрудничества непременно должно быть ясное размежевание с вышеприведенными этическими взглядами и подчеркивание того, что христианская этика коренным образом отличается от них.

Мы можем вступать в диалог и взаимодействие и с людьми других вер, признающими Десять заповедей Моисеева закона, и с теми, кто имеет совершенно отличные от нас религиозно-этические взгляды, и с неверующими, включая сторонников нравственного релятивизма. Чего мы не можем и не должны делать – это позволять использовать диалог и сотрудничество для того, чтобы поставить знак равенства между христианской и нехристианской этикой или попытаться объединить их в некие синкретические системы. В конце концов, вопрос об сохранности нашей веры и о чистоте ее проповеди по важности превосходит вопрос об эффективности мироустроительных дел, ибо затрагивает судьбу человека в вечности, его спасение.

Православная Церковь не может превратиться в институт, «освящающий» нравы и порядки, сформированные без ее участия по несвойственным ей законам. Успех ее миссии определяется не только человеческой энергией и эффективностью технологий. Его основа – верность евангельской истине и духу Христову, которые покорили сердца миллиардов людей разных поколений без всяких технологий, при минимуме человеческой силы и власти. Если мы будем проповедовать Христа, а не думать о том, как удобно прожить в «мире сем», Господь даст нам силы принести Ему «плод сторичный» (Лк. 8, 8).